

Сомов Орест

Странный поединок

Орест Михайлович Сомов

Странный поединок

Рассказ путешественника

В дилижансе сидело нас четверо: молодой французский офицер с широким пластырем на левой щеке; какой-то низенький, плотный и проворный человек в поношенном рединготе горохового цвета; некто г. Жермансе, степенный человек лет сорока пяти, и я. Низенький человек в рединготе горохового цвета был самый безустальный говорун, охотник знакомиться и отчаянный расспросчик. Еще не успели мы выехать за заставу, как он уже успел объявить нам, что едет в Сент-Мену, где имеет собственный участок земли, что он cultivateur propriétaire, что зовут его дю Вивье, что приезжал он в Мес для получения какого-то старого долга, что у него есть жена и две прекрасные дочери и пр. и пр. Вслед за этим пустился он расспрашивать каждого из нас: кто он? куда, зачем едет? Я отвечал ему, что я русский путешественник. Тут посыпались вопросы о России, о зиме, которая, по мнению этого доброго человека, никогда у нас не сходит; о городах, построенных на сугробах снегу; о подземных печах, которыми русские растапливают лед в Азовском море, когда им надобно спускать корабли на воду; о способности казаков разводить огонь зубами (В примечаниях к одной поэме о походе Наполеона в Россию, изданной в 1814 году в Париже и посвященной покойному королю Лудовику XVIII, находится следующее замечательное место: "Les Francais ignoraent sans doute la faculte dont les Cosaques sont doues, celle d'attiser le feu avec leurs dents" То есть: "Французы, верно, не ведали о способности, которою одарены казаки- разводить огонь зубами".): словом, обо всех таких диковинках, которыми многие из французов и доньне еще украшают топографические свои сведения о России. Это меня забавляло, и я охотно взялся вывести доброго дю Вивье из заблуждения насчет нашего отечества. Как же я удивился, когда он принял мое доброе намерение за мистификацию, отвечал мне сначала несколькими междометиями сомнения и, наконец, сказал наотрез, что он больше верит своему куму, которого двоюродный брат слышал все помянутые диковинки от своей соседки, а та слышала их от одного тамбур мажора большой армии, бывшей в походе 1812 года.

Оставя меня, дю Вивье обратился с вопросами к г-ну Жермансе, который отвечал ему коротко и сухо. Оставался ему один офицер; но сей так важно прислонился к углу дилижанса, так гордо посматривал на всех через свои длинные черно-бурые усы, что отбивал всю охоту у расспросчика. Наконец, нетерпеливая жажда разговоров и новостей, томившая бедного дю Вивье, перемогла все его опасения. Не смея, однако ж, прямо завести разговор с офицером, он начал обиняками делать намеки о дуэлях; об опасностях, которым военных людей подвергает их звание и высокие понятия о чести. Офицер посматривал искоса на красноречивого заступника воинской чести - и молчал.

- Кстати о дуэлях,- сказал молчаливый г-н Жермансе, как бы в минутном вдохновении.- Не угодно ли, я расскажу вам об одном странном поединке?

Офицер взглянул на него и все-таки молчал, дю Вивье рассыпался в просьбах и в изъявлениях благодарности; а я, поняв отчасти мысль г-на Жермансе, скромно поблагодарил его улыбкою. Мне казалось, что, по добродушию ли, или из эгоизма, он хотел избавить

навязчивого дю Вивье от какой-нибудь неприятности со стороны спесивого и, может быть, задорного офицера, а нас от неприятности - быть свидетелями междоусобия в тесном пространстве почтовой кареты.

Г. Жермансе, заметно, был человек молчаливый и любящий покой. По приготовительным его приемам можно было заключить, что он приносил нам, своим спутникам, весьма важную жертву и делал себе крайнее насилие, пускаясь в длинный рассказ. Он то вертел табакерку между пальцами, то понюхивал табак, медленно всасывая по маленьким ще поткам, как будто бы брал его на пробу и хотел вызнать его силу и запах; то вынимал платок, то складывал весьма старательно и снова прятал его в карман с таким видом, как будто бы боялся его выронить; то призадумывался, то покашливал. Наконец он начал свой рассказ; но тут по многословию его и по охоте рассказывать длинно и со всеми подробностями тотчас можно было увидеть, что для него, вследствие французской поговорки, труден был только один шаг. Если б я не боялся обидеть его сравнением, то сказал бы, что он похож на тех лошадей, которые весьма лениво и неохотно трогаются с места, но после их не скоро остановишь и удержишь вожжами.

Не берусь передать вам этого анекдота со всеми подробностями, со всеми отступлениями и ораторскими украшениями слога, коими красноречивый г-н Жермансе старался блеснуть в нем перед своими слушателями; но содержание анекдота и главные черты его к вашим услугам. Угодно ли выслушать?

Генерал Даранвиль был человек отличной храбрости. От берегов Нила до берегов Москвы прошел он, служа в разных чинах, и нигде не робел ни перед саблями мамелюков, ни перед пулями и штыками русских. Молодость генерала была самая буйная: он начал службу почти с детских лет и в самое разгульное время Французской революции. Мудрено ли, что при общем ослаблении всех правил он увлечен был потоком? Раны, полученные им в сражении - а их было много - едва ли равнялись числом с теми, кои получил он на поединках. Чрез это заслужил он в армии славу самого сильного бойца на шпагах и самого искусного стрелка из пистолета. Пока страсти в нем бушевали, он старался поддерживать эту славу тем, что затрагивал и задирали почти всякого встречного; но когда лишние десятилетия и лишние дуэльные кровопускания отчасти охолодили в нем кровь, тогда он сделался верховным судьей всяких ссор и споров, грозою и карою забияк.

При перемене обстоятельств генерал был уволен от службы с половинным жалованьем. Этой пенсии и накопившегося в большой книге государственного долга жалованья его, не выданного в разные времена, было весьма достаточно для умеренных желаний генерала. Даранвиль был человек образованный, и врожденные его наклонности были хорошие: сердце его не вовсе было испорчено заблуждениями тогдашнего времени и худыми примерами. Еще несколько лишних лет на плечах и полный досуг, которым он в то время пользовался, заставили его одуматься и пробежать в памяти прошедшее. Рассматривая прежнюю жизнь свою, он ужаснулся, увидев, что суетность и ложные понятия о делах и вещах были доселе одними его руководителями. Это сознание совсем переменяло нрав его и поведение: уж он более не наискивался на ссоры и даже не мешался в них иначе, как в качестве примирителя, вел себя весьма кротко, сделался другом молодых людей и часто давал им умные, полезные советы. От прежнего его молодечества осталось ему только имя славного дуэлиста.

Из молодых своих друзей Даранвиль больше всех любил Эрнеста де Люссона, прекрасного двадцатидвухлетнего юношу, с добрым сердцем и хорошими правилами, с пылкою любовью ко всему изящному и доброму. Но все эти бесценные качества перевешивались иногда в нем непомерно заносчивостью, вспыльчивостью и ветреностью, почти неизбежными пороками молодых лет. Генералу многого труда стоило умерять и укрощать эту вредную наклонность - и часто он радовался успеху своих советов и наставлений.

У Эрнеста был, кроме генерала, и еще друг, или человек, которого он считал себе другом.

Леон Вердак, молодой гасконец, хитрый, вкрадчивый, самолюбивый и хвастливый, таил под заманчивыми качествами приятного и веселого товарища самые коварные виды исключительного своекорыстия. Богатство Эрнеста манило к себе дальновидного Вердака: он надеялся осторожно и мало-помалу покорить себе волю и все желания молодого де Люссона и после как водится у таких людей - черпать из его кошелька, будто как из своего. Вердак любил игру и шумное общество молодых весельчаков; но, будучи сам не богат, часто должен был себе отказывать в этих невинных удовольствиях. Поэтому генерал Даранвиль был у него как бельмо на глазу: власть ума, которую он приобрел над Эрнестом, препятствовала корыстным видам Вердака. Коварный гасконец расчел, что ему непременно должно для своих замыслов удалить Даранвиля от Эрнеста, а этого нельзя было сделать, не поссоря их, и потому он решился выжидать удобного случая.

Всякий раз, когда ему удавалось отлучить на время де Люссона от генерала, он старался окружать своего молодого приятеля шумными и веселыми своими знакомцами, которые заранее им были настроены, чтобы всячески внушениями своими поколебать доверие Эрнеста к Даранвилю. Многие из них, как будто между разговором, изъявляли свое удивление, что такой умный, рассудительный и образованный молодой человек слепо вверился старому брюзге. Это льстило самолюбию Эрнеста; однако ж он сначала жарко спорил за генерала с молодыми своими приятелями; после споры его стали слабее; после он и вовсе перестал спорить и кончил тем, что самодовольною улыбкой показывал согласие с мнением своих знакомцев. Доверенность его к генералу была ослаблена; однако ж вовсе нельзя было еще оторвать его от сего почтенного человека. Между тем Вердак всегда молчал, не придерживался ни той, ни другой стороны и был при таких спорах всегда как бы лицом страдательным.

Однажды Эрнест угощал обедом Вердака и с полдюжины других весельчаков, его приятелей, в ресторации Вери. Случайно генерал Даранвиль вошел туда же; волею и неволею, его должно было пригласить к их столу. В комнате, где они обедали, за особливим небольшим столиком сидели два провинциала, один человек уже пожилой, другой юноша около двадцати лет возраста. Станный, стародавней моды наряд сих провинциалов, их неловкость и застенчивость сначала привлекали на себя внимание и шутки молодых остряков. Но когда они слышали, что провинциалы называли трактирного слугу господином (monsieur) и невпопад спрашивали кушанья по печатной карте; когда заметили лукавую улыбку и ироническую вежливость ловкого слуги - тогда шуткам их и смеху не было ни меры, ни конца. Особливо Эрнест отличался перед всеми громким хохотом и остротами: не довольствуясь сим и видя одобрительные улыбки своих приятелей, он встал из-за стола, подошел к провинциалам, советовал им потребовать устриц к десерту, а бульону вместо кофе - словом, говорил им все глупости, какие тогда приходили ему в голову. Сомнительные и робкие взгляды бедных заезжих, беспрерывный хохот молодых его товарищей и знаки неудовольствия на лице Даранвиля еще более подстрекали де Люссона. Наконец стал он просить у младшего из провинциалов платья его, на показ своему портному, говоря, что хочет нарядиться также ловко и щеголевато, чтобы понравиться девяностолетней своей прабабушке; стоя за стулом, вымеривал его талию, даже позволил себе хватать его за плечи и играть пальцами с его прической. Это вывело из терпения старшего: он встал и, бросив на стол золотую монету в сорок франков, сказал младшему: "Пойдем, сын мой, видишь, что мы здесь не у места". Молодой человек также встал и, кинув на забавников смущенный страждущий взгляд, вышел вместе с отцом своим. Обидный хохот провожал их далеко за дверьми ресторации.

До сих пор генерал Даранвиль молчал; не улыбка, а негодование было написано на лице его. Но когда отец с сыном вышли, он встал и, подошедши к Эрнесту, начал тихо, но с чувством и жаром представлять ему неприличие такого поступка. Ответом ему был новый смех Эрнеста и его товарищей. Генерал обернулся, окинул молодых шалунов пылающим, грозным взором, и мигом все замолкли. Все знали, каково с ним иметь дело! Один Эрнест, по короткому

знакомству своему с генералом, старался оборотить все это в шутку, даже подтрунивал над ним самим, говоря, что не может удержаться от смеха, вспомня давешнюю стоическую его важность при общем хохоте и видя теперешний катоновский его ригоризм. "Послушайте, почтенный мой друг, - прибавил он, вы так часто наделяли меня вашими советами, что мне, право, совестно всегда оставаться у вас в долгу; пора хоть раз с вами поквитаться. Вот небольшая уплата в счет долга: не всегда, любезный генерал, самые лучшие советы бывают приличны: всему место и время..." - "В таком случае,- с жаром отвечал Даранвиль, - и я здесь также не у места, как и те бедные провинциалы".

Он взял шляпу и, не поклонясь никому из своих собеседников, вышел.

- Что значит, любезный Эрнест, эта отеческая заботливость о твоей нравственности? - сказал один из молодых повес, когда генерал был уже далеко за дверью.

- Мне кажется, - прибавил другой,- что его превосходительство наложил на себя покаяние за прежние свои грехи и для того вздумал обращать на путь спасения неопытных юношей.

- Неопытных? - воскликнул Эрнест. - Не ко мне ли это относится, сударь? Прошу объясниться.

- Не горячись, мой друг; это не мои слова; я только повторяю слышанное. Помнишь ли, с неделю тому назад сидели мы - генерал, ты, я и еще какой-то старый усач, его сослуживец - в Тюльерийском саду, против террасы ФЛль-ян? Помнишь ли, ты встал, подошел к какому-то из своих знакомых и вместе с ним пошел вдоль по террасе? Я оставался в это время на скамье. Знакомец нашего генерала спросил у него о тебе. "Это, - отвечал Даранвиль, - молодой шалун, который не глуп, но слишком еще зелен; умишко у него вертится еще как кубарь и не знает, где и на чем остановиться. Я взялся переродить его, и с моею помощью, надеюсь, он будет когда-то человеком". Не сердись так, милый Эрнест, и не кусай себе губы... Это, право, не мои слова! Благодарите за эту рекомендацию доброго твоего друга генерала.

- Ха, ха, ха! вы знаете эту молодую ветреницу маркизу де Кремпан? подхватил третий. - На днях я был у ней в ложе, в театре Фейдо. Злоязычница пересудила всех, кого только видела в ложах и на балконе. "Смотрите, смотрите,- лепетала она, оскалая белые свои зубки,- вот молодой де Люссон с своим дядькою, генералом Даранвилем. Кажется, дядька дерет его за уши, за то что он сел боком к партеру. Хорошо иметь и в эти лета такого строгого наставника: он обещался сделать из него образцового молодого человека, самой милой скромности и самого благопристойного поведения".

- Она осмелилась это сказать? - воскликнул Эрнест, ходивший широкими, скорыми шагами по комнате... - Так я ж ей докажу!

- Не ей, милый Эрнест, должен ты доказать: можно ли затевать ссору с молодою пригожею болтушкой?.. Ты знаешь, что твой генерал к ней вхож...

- Мой генерал! черт его возьми и возьмет, когда я исполню то, что у меня вертится теперь в голове.

- Потише, потише, де Люссон! - подхватил четвертый собеседник. - Ты чуть было не проговорился сгоряча о поединке; а ты знаешь, как добрым твоим друзьям тяжело будет расстаться с тобою...

- Расстаться! Ты уж и похоронил меня! кто тебе сказал, что я-то непременно упасть должен? Пуля дело неверное.

- Нет, друг мой! ты, видно, позабыл, с кем хочешь иметь дело? У Даранвиля пуля верно попадает.

- Хорошо! вот мы увидим, каково-то он будет стоять на трех шагах барьера и дожидаться жеребья... Да нет, сей жечас бегу к нему и кончу все с ним глаз на глаз, в комнате,

- Ха, ха, ха! в комнате! - завопили вместе несколько голосов.- Так ты думаешь, что тебе удастся с ним подраться в комнате, глаз на глаз? Как же худо ты и его и самого себя знаешь!

- А почему ж не удастся?

- Да потому, - отвечал четвертый,- что он, глаз на глаз, надеясь на свою власть над твоим умом, начнет увещевать тебя - и кончится тем, что ты же станешь просить у него прощения.

- Так вы увидите... или услышите через час, не более. При сих словах Эрнест схватил свою шляпу.

- Стой, друг мой! - сказал ему первый, удержав за руку. - Ты теперь не в том положении, чтобы мог драться хладнокровно. Ты разгорячен и гневом и нашими частыми жертвами Бахусу. Господа! упростите Эрнеста отложить это дело до утра. Неужели мы отдадим его сегодня на жертву этому дуэльному вампиру?

Все приступили к Эрнесту, особливо Вердак, и уговорили его ничего не делать до завтра.

- Эй, малый! еще дюжину шампанского! - закричал пятый из собеседников эрнестовых, дотоле молчавший.

- Здоровье той пули, Эрнест, которую ты влепишь в лоб запоздалому лицемеру! - продолжал он, наливая бокалы. Все встали и весело их осушили; Эрнест тоже хотел казаться веселым; но веселость его была похожа на зимнее солнце, которое холодно, без согревающих лучей, проглядывает из-под хмурых, снежных облаков.

Время быстро летело для приятелей эрнестовых, но для него передвигалось оно на свинцовых колесах. Настроенные Вердаком ветреники лукаво старались поддерживать в мо-лодом де Люссоне расположение к поединку и жажду мщениа то хитрыми намеками, то искусно подводимыми сомнениями насчет прославленной храбрости генерала, то замечаниями, что поединок с таким известным дуэлистом может всякому придать большой вес в общем мнении. Вердак или молчал, или с притворным сочувствием уговаривал Эрнеста. Другие умышленно и жарко ему противоречили, как будто бы говоря о постороннем деле. Таким образом в шуму разговоров и под звон бокалов просидели они до ночи. С тяжелою головою и тяжелым сердцем Эрнест возвратился домой.

На другой день, рано поутру, явился к нему Вердак с новыми увещаниями. Почти вслед за ним, и как бы нечаянно, пришли двое из вчерашних застольных приятелей, сталиутверждать противное, завели умышленный спор, разгорячили Эрнеста, который схватил шляпу и как бешеный побежал из комнаты.

Не помня себя, прибежал он к дверям Даранвиля; судорожною рукою схватил за снурок колокольчика, зазвонил что есть силы, и, когда слуга генералов отворил ему, он вбежал прямо в спальню.

Генерал был еще в постеле. "Что ты, Эрнест? Что с тобою сделалось?" спросил он у молодого своего знаконца.

- Что?., бешенство! сумасбродство! доверенность к такому человеку, который ее не стоил... и именно к вам, сударь!

- Опомнись! В своем ли ты уме? Откуда такая горячка?

- Горячка? Да, сударь: только все она легче той белой горячки, в которой я до сих пор бродил

как слепой. Знал ли я, мог ли я предвидеть, что под такую степенную наружностью скрывается самая мелкая, самая низкая душишка?

- Не ко мне ли это относится?

- Можете, сударь, принять это прямо на свой счет... Сейчас вставайте и посчитайтесь со мною - не на словах: и не о них дело!.. Да, сударь, сейчас дайте мне отчет во всех тех дерзостях и наглостях, которые вы обо мне рассеиваете.

- Если б я не видел вчерась тебя в добром здоровье, то подумал бы, что ты вырвался из Шарантона. О каких дерзостях и наглостях говоришь ты мне?

- Не знаете? А! вы ничего теперь не знаете! Видно, мне правду говорили о мнимой вашей храбрости. Милости прошу, сударь, встать и, взявши пистолеты, сей же час идти со мною.

- Нет, не прогневайся, любезный; не встану.

- Так я вас принужу встать.

- До этого я тебя не допущу. Скажи просто и ясно, чего ты от меня хочешь?

- Стреляться с вами.

- Стреляться? Зачем же мне для этого идти вон из комнаты? Вот, возьми!

При сих словах генерал снял со стены висевшие у него над головою два заряженные пистолета, подал один Эрнесту и положил другой к себе на подушку.

- Так вставайте ж!-сказал Эрнест изменившимся голосом.

- Я уж сказал, что не встану, - отвечал генерал спокойно,- стрелять я могу и лежа, да и тебе свободнее в меня метить. Стань у кровати, прямо против меня, и стреляй.

- Да как?..

- Не дожидайся, чтоб я назвал тебя трусом как такого человека, который бодрится на словах и у которого дрожат манжеты в решительную минуту. Стреляй!

Делать было нечего; Эрнест зашел слишком далеко, а последние слова генерала подлили масла на непотухший пыл его. Он взял пистолет, дрожащею рукою навел его на голову Даранвиля, спустил курок... Пуля влипла в подушку подле самой головы генерала; но сей последний не поморщился и не переменял положения.

- Теперь садитесь, сударь, на эти кресла, - сказал генерал строгим голосом - Садитесь, говорю: я в вас теперь волен и вправе требовать от вас всякого удовлетворения.

Эрнест, ни жив ни мертв, опустился на кресла. Лицо его было бледно как полотно, все жилы бились с судорожным напряжением. Генерал, вовсе не трогаясь за пистолет и по-прежнему не переменяя положения, после минутного молчания начал говорить ему спокойным голосом:

- Г. де Люссон! теперешний ваш поступок таков, что должен разорвать всю связь между нами. Вам совестно будет видеть человека, которого вы хотели убить без всякой причины, да и мне, признаюсь, нельзя равнодушно смотреть на того, кто покушался на жизнь мою. Однако ж, желая, чтобы временное наше знакомство принесло вам какую-нибудь пользу, я расстаюсь с вами последним советом... Не вставайте с места, молчите и слушайте. Я всегда почитал вас умным молодым человеком: удивляюсь, как могли вы ввериться шайке негодяев, от которых

я вас и прежде не раз остерегал. Этого Вердака своими глазами видал я, выбегавшего с расстроенным видом из картежных домов. Достойные его знакомцы - все таковы же: вчерась еще за обедом я подметил их перемигиванья, когда вы забавлялись над бедными и, верно, добрыми провинциалами. Слушайте ж: давно уже я видел очень ясно, что Вердак и другие повесы, его приятели, хотят вас отдалить от меня для своих видов. Вы богаты, а эта толпа гуляк бедна и бессовестна. Одни вы, по слепой в самом себе уверенности, того не замечали. Говорить о вас дурно или презрительно я не мог и не имел причины. Тем больше никто из них не мог от меня услышать ничего на это похожого, потому что я ни с кем из них и нигде не встречаюсь, кроме немногих случаев, когда видал их вместе с вами. Теперь расскажите мне, как было все дело и отчего в вас родилась такая против меня запальчивость? Видите ли, что я, прежде чем услышал от вас, узнал уже главных ее виновников?

Эрнест трепещущим голосом, но со всею откровенностию пересказал все как было. Генерал улыбнулся. "Так я и догадывался", - сказал он. Молодой де Люссон вскочил, хотел бежать и вызывать всех прежних своих знакомцев; но Даранвиль советовал ему успокоиться и дослушать его речи.

- Давно уже я положил на себя обещание отводить молодых людей от поединков. Я слишком дорого для моей совести заплатил за проклятую суетность - прослыть самым грозным поединщиком. Благодарю небо, что оно ранами оставило мне тяжкую память о прежнем моем сумасбродстве.

- Жестокий человек, - прервал его Эрнест, - для чего ж вы прежде не вывели меня из заблуждения? Для чего допустили меня стрелять в вас?

- Могли ли вы в то время слышать голос рассудка? Притом же, сказать ли вам откровенно? Во-первых, я твердо предположил себе не стрелять в вас; если ж бы вы по случаю меня убили, тогда я только поплатился бы за прежние мои поединки... Много их лежит у меня на душе! Одна только моя надежда - на благость божию. Во-вторых: мог ли я неуместною робостью изменить закоренелой своей привычке - ничего не бояться? Это, конечно, заблуждение; но есть заблуждения, основанные на понятиях о чести, с которыми трудно расстаться. Сто раз скорее бы я умер, нежели струсил наведенного на меня пистолета. Что касается до Вердака и его знакомцев, то вот последний мой совет, оставить их в покое и, если можно, вовсе с ними разогнаться, но без шума и огласки. Стоят ли такие люди той чести, чтобы порядочный человек прилепил свое имя к их именам и сделался вместе с ними сказкою города? Теперь, сударь, желаю вам на свободе обдумать нынешний наш разговор и успокоиться. Что до меня, я буду молчать о сегодняшнем происшествии; в этом можете быть уверены... Прощайте!

Тут Эрнест бросился на грудь генералу, просил его, умолял о прощении. Долго Даранвиль колебался - наконец подал ему руку, примирился с ним, и с тех пор де Люссон во всем советовался с генералом и слушался его. Он сделался и точно примерным молодым человеком: избавился от ветрености, вовсе истребил свою заносчивость, и горячность осталась в нем только к хорошему и благородному. Опытность и познания Даранвиля были главною причиною сего нравственного усовершенствования; и генерал с удовольствием видел плоды своих советов, - видел, как Эрнест, на поприще человека и гражданина, приносил пользу отечеству и был другом и благотворителем несчастных, кои к нему прибегали.

Вердак и его товарищи, слыша отказ себе у дверей эрнес-товых, догадались, какой оборот взяло это дело, и не решались более встречаться ни с Эрнестом, ни с генералом. Их как будто не стало в Париже, и уже чрез несколько лет де Люссон узнал, что Вердак умер в тюрьме Сент-Пелажи, куда был посажен за долги.